

Юй Шаолин собирался дожидаться, пока Е Цзюэ закончит, чтобы успокоить Ци Фаня, но молодой глава секты остался верен своему ядовитому языку. Вместо утешения он разразился руганью. Шаолин нахмурился, чувствуя, как в груди закипает настоящее раздражение.

— Все когда-то были слабаками, — осадил он приятеля. — Или ты, господин Е, родился великим мастером и никогда не был неопытным юнцом?

Е Цзюэ от такой отповеди опешил — Шаолин еще никогда не отчитывал его столь серьезно. Пока молодой глава секты подбирал слова для достойного ответа, Шаолин уже подошел к Ци Фаню, одарив его презрительным взглядом, и заговорил с юношей ласково, точно весенний дождь:

— Не принимай близко к сердцу. В этом нет твоей вины.

Молодой глава секты едва не задохнулся от возмущения — надо же, эти двое объединились против него! В сердцах он пнул солому под ногами, раскидав ее по углам, но тут же услышал холодный голос Юй Шаолина:

— Господин молодой глава, вам на этом спать ночью. Если хотите выспаться, советую поскорее собрать ее обратно.

Е Цзюэ даже не удостоил его ответом. Он отвернулся к стене и замер, всем своим видом показывая, что не желает никого видеть.

Ночью, как и предсказывал Шаолин, в камере поднялся пронизывающий до костей сквозняк. Поскольку у всех пленников запечатали духовные силы, Е Цзюэ пришлось несладко. Он забился в угол, мелко дрожа всем телом, а сам он отчаянно стучал зубами.

Шаолин долго ворочался под этот стук, пока окончательно не потерял надежду уснуть. Вздыхнув, он поднялся, сгреб остатки сухой соломы, набросал их поверх замерзающего товарища, а сверху укрыл собственным верхним халатом. Почувствовав долгожданное тепло, Е Цзюэ перестал дрожать и вскоре крепко уснул. Шаолин лишь покачал головой, не зная, смеяться ему или плакать.

«И даже не проснулся. Вот уж не поймешь: то ли изнеженный барчук, то ли просто удивительно беспечный человек»

Улыбнувшись собственным мыслям, Шаолин повернулся и вздрогнул, натолкнувшись на пристальный взгляд Ци Фаня. Юноша проснулся неизвестно когда и теперь безмолвно разглядывал его в густой ночной тишине. От этого немигающего взора по спине пробежал странный холодок.

— Что такое? — невольно спросил Шаолин, но тут же прикусил язык, сообразив, что его голос

прозвучал излишне резко.

Ци Фань, казалось, не заметил этой грубости:

— Просто проснулся и увидел, как ты укутываешь молодого главу, — тихо отозвался он. — Стало любопытно.

— Чему же?

— Ты, братец, отлично умеешь заботиться о других.

Шаолин никак не ожидал подобных слов и тихо хмыкнул:

— Да пустяки, дело привычки. Просто под руку повернулся.

— Под руку? Привычка? — Ци Фань словно зацепился за эти слова, тихо смакуя их на языке. Внезапно он поднял глаза. Его темный, глубокий взгляд, скользнувший по лицу Шаолина, напоминал то ли мягкий допрос, то ли детское любопытство. — Братец, ты со всеми так добр?

— Разумеется, только с теми, кто мне дорог, — просто ответил Шаолин. Вспомнив о непростых отношениях между Ци Фанем и Е Цзюэ в оригинальном романе, он решил замолвить за последнего словечко: — Молодой глава только на язык остер, а в душе он человек неплохой.

Ци Фань промолчал, продолжая буравить его взглядом. Шаолину стало не по себе под этим тяжелым взглядом. Он отвел глаза и поспешно сменил тему:

— Почему ты проснулся? Не спится?

Хитрость сработала: Ци Фань послушно переключился. Юноша опустил голову, словно смутившись, хотя его голос по-прежнему звучал ровно и прохладно:

— Да. Мне показалось, ты злишься на меня.

— С чего бы мне злиться?

— Если бы не я, вас с молодым главой не схватили бы. Я потянул вас за собой.

— Что за глупости! — Шаолин рассмеялся и замахал руками. — Если бы не твой меч, меня бы, скорее всего, прикончил тот Владыка демонов еще в самом начале. Нельзя так рассуждать.

— Но ведь печать с меча спала только благодаря тебе, братец, — тихо проговорил Ци Фань, понутив плечи.

Видя его удрученный, уязвимый вид, Шаолин почувствовал, как сердце наполняется теплотой. Он мягко улыбнулся и подбодрил юношу:

— И вовсе нет. Это твое оружие, великолепный клинок, который до поры до времени просто пылился в тени. Рано или поздно нашелся бы кто-то другой, кто помог бы ему пробудиться. Мне просто повезло оказаться рядом в нужный момент, так что моей заслуги тут нет.

— Вот как? Но теперь меч у Емо. Может, это знак, что такое сокровище никогда не должно было принадлежать ничтожеству вроде меня? — еле слышно прошептал Ци Фань.

Он смотрел на Шаолина широко распахнутыми глазами, ожидая ответа с надеждой, словно от этого зависела его жизнь. В глубине его чистого взгляда мерцали далекие созвездия, затененные робким сомнением в собственных силах.

Шаолину показалось, будто перед ним стоит растерянный ребенок, отчаянно нуждающийся в поддержке. Неуверенный в себе, он искал подтверждения собственной значимости в чужих словах, словно вердикт постороннего человека мог в один миг спасти его.

Конечно, Шаолин прекрасно помнил, что Ци Фань — главный герой этого романа, любимое детище автора. В будущем его ждет триумфальное шествие, усыпанное чудесными артефактами и невероятным везением. Жалеть его, несчастного пушечного мяса, чья жизнь и без того висит на волоске, было верхом нелепости.

И все же в эту минуту, в полумраке сырой темницы, ему безумно захотелось подбодрить Ци Фаня и подарить ему крупицу уверенности. Шаолин заглянул юноше прямо в глаза и произнес с предельной серьезностью:

— Поверь мне. Даже если сейчас меч у Емо, рано или поздно он вернется к тебе. Судьба предназначала его тебе, и никто другой не достоин им владеть.

— Правда?

— Конечно.

Шаолин говорил с таким пылом и убежденностью, что Ци Фань на мгновение замер от изумления. Он поднял голову, и в его глазах вспыхнул лихорадочный огонек безграничной признательности:

— Раз так, я поверю тебе, братец. Но ты говоришь с такой уверенностью, будто умеешь заглядывать в будущее.

— Ну разумеется, я же читал сценарий, — брякнул Шаолин прежде, чем успел подумать.

Осознав свою оплошность, он хотел было поспешно перевести все в шутку, но, заметив ошеломленное выражение лица Ци Фаня, не выдержал и звонко рассмеялся. Отсмеявшись, он тепло добавил:

— Да шучу я, глупый. Не бери в голову. Но тебе действительно не стоит сомневаться в себе. Ты замечательный. Правда.

— Ты правда так думаешь?

— Разумеется.

Раз уж разговор зашел в такое русло, Шаолин решил ковать железо, пока горячо. Почему бы не сосватать парню свою младшую сестру? Он доверительно взял Ци Фаня за руку и с жаром зашептал:

— Знаешь, у меня ведь есть сестра. Вы с ней ровесники, ей как раз исполнилось восемнадцать. И поверь мне, краше нее нет никого ни на земле, ни под небесами.

Ци Фань вздрогнул от этого внезапного прикосновения. Он слегка присогнул пальцы, словно не привык к такой фамильярности, и опустил взгляд, став похожим на хрупкий цветок, который так легко обмануть. Затем он поднял взгляд и с искренним недоумением спросил:

— Братец, к чему ты это говоришь?

«Эх, совсем не понимает намеков», — разочарованно подумал Шаолин.

Главный герой сейчас казался до смешного наивным и простодушным. Трудно было представить, как из этого кроткого юноши вырастет тот самый грозный владыка, сокрушающий врагов направо и налево. Впрочем, нынешний тихий Ци Фань нравился ему куда больше. Шаолин заговорщицки подмигнул:

— Судя по всему, ты еще слишком молод, чтобы успеть обручиться.

Ци Фань опешил и смущенно кивнул.

— Вот и отлично! Моя сестра, Шаои, подошла бы тебе как нельзя лучше. Как выберемся отсюда, я непременно вас познакомлю. Кто знает, вдруг это любовь с первого взгляда? Сложится прекрасный союз!

От этих слов Ци Фань поперхнулся воздухом и зашелся в яростном кашле. Кое-как справившись с приступом, он пробормотал, густо покраснев:

— Братец, не шути так со мной.

— И не думаю шутить, сам увидишь, когда встретитесь. К тому же никто не заставляет вас немедленно играть свадьбу. Вы оба молоды, почему бы просто не подружиться?

— Свадьба... кхм, кхм... — Ци Фань снова закашлялся. — Братец, прекрати, пожалуйста.

Парень смутился не на шутку. Видя его крайнее замешательство, Шаолин не удержался и подразнил его еще немного. Лишь когда уши Ци Фаня вспыхнули пунцовым, он с веселым смехом отступился.

Легкая шутливая беседа разогнала тоску, но вскоре Шаолина начала одолевать дремота. Пожелав собеседнику спокойной ночи, он устроился поудобнее на соломе. На грани сна и яви, когда мысли уже подернулись сонной дымкой, до его слуха долетел тихий, словно доносящийся сквозь туман, голос Ци Фаня:

— Братец, а твоя сестра... она похожа на тебя?

—... Что? — пробормотал сонный Шаолин, не сразу уловив суть вопроса. — С чего ты взял?

— Ты ведь сам сказал, что краше нее нет никого на свете.

— Ну да, она действительно прекрасней всех... — Шаолин внезапно осекся.

В его засыпающем разуме шевельнулась смутная, но оттого не менее пугающая догадка. От этого предположения сон как рукой сняло.

Он резко сел на соломе и повернулся к юноше. Ци Фань лежал неподвижно, не отрывая от него пристального взгляда темных глаз. В этой непроглядной тьме Шаолин почувствовал, как внутри все сжалось от непонятной паники.

— Что случилось, братец? — невинно поинтересовался Ци Фань, его тон оставался ровным и невозмутимым.

Однако в его взгляде чудилась бездонная пучина, готовая поглотить Шаолина без остатка и навсегда запереть в своих темных водах.

Шаолин хотел было высказать все, что вертелось на языке, но вовремя прикусил язык. Его

охватил безотчетный страх: казалось, стоит задать еще хоть один вопрос, и он откроет дверь в неизведанное, откуда уже не будет возврата.

Тщательно взвешивая каждое слово, он осторожно произнес:

— Нет, мы совсем не похожи. Ни капли.

— Вот как?

— Если уж сравнивать... Она — небожительница в вышине, а я лишь обычный смертный на грешной земле.

— Кхм... Вот оно что. У тебя весьма поэтичные сравнения, братец, — Ци Фань тихонько хмыкнул, качнув головой, а затем, словно поддавшись какому-то порыву, негромко спросил: — Ты ведь очень дорожишь своей сестрой?

— Разумеется, — не задумываясь ответил Шаолин.

После этих слов Ци Фань заметно повеселел. Не развивая тему дальше, он улегся поудобнее на своем месте:

— Уже поздно, братец. Ложись спать.

Шаолину его поведение показалось крайне странным, но сформулировать свои опасения он так и не смог. Интуиция упорно твердила, что копать дальше не стоит. Подавив роящиеся в голове вопросы, он улегся обратно и закрыл глаза.

Оставшаяся часть ночи прошла на удивление спокойно. Проснувшись поутру, Шаолин почувствовал себя гораздо бодрее и решил как следует осмотреть их темницу.

Место было сырым и мрачным — судя по всему, Чжоу И издавна использовал его для содержания пленников. Камеры располагались двумя ровными рядами друг против друга, разделенные узким темным коридором. Впрочем, соседние темницы по одной стороне примыкали друг к другу вплотную. Кое-где ветхие стены от времени осыпались, явив миру небольшие прорехи. При желании через эти щели можно было перекинуться парой слов с соседями или передать записку.

Пользуясь этой лазейкой, Шаолин отыскал Лу Дибao и остальных младших соучеников из Павильона Яньюнь. Убедившись, что с ними все в порядке, он наконец облегченно вздохнул. Однако стоило тревоге отступить, как тут же он почувствовал сильный голод. Шутка ли — после вчерашнего переполоха он ни крошки во рту не держал уже больше половины суток.

Искусством отказа от пищи он не владел, а потому голод донимал его с каждым часом все сильнее. Окончательно лишившись сил, Шаолин уныло повалился на солому, тихонько вздыхая от жалобного урчания в животе.

Как назло, именно в этот момент проснулся Е Цзюэ. Обнаружив на себе чужую форменную мантию Павильона Яньюнь, он заметно смутился. Поколебавшись, молодой глава секты с подчеркнуто надменным видом приблизился к лежащему Шаолину и холодно процедил:

— Это ты вчера укрыл меня?

<http://bllate.org/book/18172/1749170>